

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия

English version: Asmolov A.G.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Данная статья представляет собой введение к проекту «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия». Обсуждаются мотивы рождения этого проекта, вводится конструкт «психология современности». Описываются различные особенности современности, особый акцент делается на механизмы выработки неопределенности в развитии открытых структур. Высказывается гипотеза об эволюционном смысле искусства и религии в изобретении современности. Отмечается роль историко-эволюционной методологии междисциплинарного познания как интегрирующей программы психологии, позволяющей последней вступить в конструктивный диалог с широким кругом наук о природе, обществе и человеке.

Ключевые слова: методология, психология современности, неопределенность, сложность, разнообразие, историко-эволюционный подход, открытые и закрытые структуры, гомеостаз, механизмы выработки неопределенности, цивилизация и варварство

«Мы живем, под собою не чуя страны...»

Осип Манделъштам

« – Психоистория способна предсказать крах Империи... она же делает вывод и о наступающих тысячелетиях хаоса... Мы не в силах предотвратить падения Империи... Но мы можем сократить надвигающийся период варварства...»

Айзек Азимов

Введение. Изменения изменений как дискурс современности

Перед вами специальный выпуск журнала «Психологические исследования», освещающий первый вариант проекта различных исследователей, объединяющихся в интеллектуальную сеть вокруг кафедры психологии личности факультета психологии МГУ. Имя новорожденного проекта – «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия». Данный проект представляет собой попытку рефлексии различных измерений современности. Перефразируя вопрос Курта Коффки: «Почему вещи выглядят такими, какими они выглядят?», спросим: «Почему современность выглядит такой, какой она выглядит?» Почему при описании современности через призму разных методологических оптик мы все чаще отмечаем такие ее свойства, как полифоничность, релятивистскую природу, ускорение изменений, мобильность, текучесть, разнообразие, сложность, гетерогенность, нелинейность, многомерность и

неопределенность? Без поиска ответов на эти вопросы в психологии, как и в других науках, мы будем жить, *не чуя под собой современности* и оставаясь «рабами зрительного поля». Все эти вопросы возникли не на пустом месте. Интерес к парадоксам познания современности имеет свою автобиографическую историю, которая позволяет приоткрыть мотивы рождения данного проекта.

По традиции психоанализа поищем некоторые из этих мотивов в своем «профессиональном детстве». Первый эпизод из профессионального детства – встреча с небольшой, выполненной в русле направления психологии познания по имени «New Look» экспериментальной работой Дж.Брунера и Л.Постмана «Восприятие несоответствия» (1949), в которой анализируются стратегии порождения образа у человека, сталкивающегося с необычными ситуациями. Анализ материалов этого исследования подтолкнул к выделению стратегии «страуса» при встрече со странностями зрительного мира («перцептивная защита») и стратегии бдительности («vigilance», особой сверхчувствительности к несоответствиям и изменениям) как разных индивидуальных стилей восприятия; постановке проблем устойчивости поведения личности в неопределенных ситуациях и выдвижению гипотезы об установках как механизмах, обеспечивающих стабильность поведения в мобильном мире; а затем и к определению проблемного поля исследований личности как психологии изменяющейся личности в изменяющемся мире [Асмолов, 1979; 1990; 2002; 2007]. Именно тогда родилась прошедшая впоследствии через все мои разработки по неклассической культурно-исторической психологии развития человека ассоциация с девизом Жюль Верна «*mobilis in mobile*», выгравированном на знаменитой подводной лодке «Наутилус». Этот девиз в наши дни стал одной из формул описания современности [Урри, 2012].

Второй эпизод – это знакомство с исследованием: «Какие вероятности "работают" в психологии?», написанной двумя авторами, один из которых, И.И.Гуревич, известный специалист в области квантовой физики, а другой – И.М.Фейгенберг, ученик создателя физиологии активности Н.А.Бернштейна, разработавший концепцию вероятностного прогнозирования в поведении целеустремленных живых систем [Гуревич, Фейгенберг, 1977]. И.И.Гуревич и И.М.Фейгенберг попытались обосновать гипотезу, что в психологии, как и в неклассической физике, работает такое понятие, как «амплитуда вероятностей». Тем самым они поставили под сомнение саму идею об использовании дискретного аппарата математики, оправдавшего себя при изучении мира классической физики И.Ньютона, в квантовой механике и в психологии. Эти авторы также обратили внимание на необходимость обращения психологов к принципу дополнительности Нильса Бора и к принципу неопределенности Вернера Гейзенберга [Бор, 1970; Гейзенберг, 1987; Фейгенберг, 1986].

Третий эпизод. В 1970-х гг. вышла книга Д.Бом «Специальная теория относительности» [Бом, 1967]. В этой книге, посвященной истокам возникновения релятивистского видения мира, Д.Бом, повествуя о ранних годах жизни Альберта Эйнштейна сквозь оптику исследований Ж.Пиаже, рождает следующий образ: мышление А.Эйнштейна не спешило войти в мир классической физики Исаака Ньютона и во многом благодаря этому оказалось открытым к релятивистскому восприятию мира. Описанная Д.Бомом ситуация рельефно показывает, как важно видеть реальность через разные оптики и прорываться поверх барьеров традиционного мышления в процессе познания стремительно меняющегося мира.

Все три описанные выше эпизода обусловили интерес к поиску методологии познания сложности, играм разума, направленным на рефлексию многомерности мира в разных системах координат. Именно трансдисциплинарная методология прививает культуру мифопоэтического мышления, как “thinking in complexity” [Майнцер, 2009], движущегося через парадоксы в форме лишь кажущихся простыми вопросов в стиле уже упомянутого выше вопроса Курта Коффки: «Почему вещи выглядят такими, какими они выглядят?». Обратимся далее к анализу современности через призму разных оптик, приводящему к «переструктурированиям» (К.Дункер) проблемных познавательных ситуаций в науках

текущего столетия.

И, предваряя этот анализ уже не в далеком прошлом, а в самом что ни на есть настоящем, во-первых, обозначим смыслообразующий мотив, приведший к появлению амбициозного проекта «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности, разнообразия», как мотив расширения границ познавательного поля психологической науки; во-вторых, особо обозначим авторский стиль передачи смыслов и идей данного проекта.

Целью проекта, предлагаемого вниманию методологов, психологов, а также исследователей, работающих на границах разных наук, является разработка трансдисциплинарной программы исследований познания психологии современности, которая, как нить Ариадны, позволит собрать в «ствол» науки о развитии человека в природе и обществе и, тем самым, сделать шаг на пути превращения психологии не только «в действительную, но и действенную науку» (А.Н.Леонтьев). Иными словами, цель создаваемой программы – предложить методологические рамки для изучения того, как трансформируются ментальные картины мира людей в условиях «изменения изменений», нарастания неопределенности, сложности и разнообразия и того, как люди реагируют на эти проявления современности: от адаптации к сложности - до архаичных практик упрощения и изоляции; от адаптации к среде - до адаптации среды [Моисеев, 1998].

А теперь о стиле повествования. В связи с тем, что сама современность подается в проекте как плод общественного договора, особо изобретаемая реальность, то и стиль повествования в ней по духу близок к стилю мифопоэтического мышления, т.е. мышления - диалога, несущего собеседнику скорее смыслы, чем значения.

От полифонии современности к полифонии форм жизни

В последнее время методологи, философы, психологи, социологи и историки включились в необъявленный конкурс рефлексий *современности*, в котором и разворачиваются самые разные проекты и исследовательские программы. Уже стало традицией при описании изменяющегося мира ссылаться на работы И.Р.Пригожина «Порядок из хаоса» [Пригожин, Стенгерс, 1986], «Философия нестабильности» [Пригожин, 1991], «Конец определенности» [Пригожин, 2001], «Определено ли будущее» [Пригожин, 2005], Р.Харре «Правила беспорядка» [Harre, Marsh, Rosser, 1978], З.Баумана «Текущая современность» [Бауман, 2008], Э. Гидденса «Ускользающий мир» [Гидденс, 2004] и «Последствия современности» [Гидденс, 2011], У.Бека «Общество риска: на пути к другому модерну» [Бек, 2001]. Совсем недавно этот список пополнился книгами Э. Морена «Метод. Природа Природы» [Морен, 2013] и «Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика» [Вульф, Савчук, 2013], Н.Н.Талеба «Антихрупкость: Как извлечь выгоду из хаоса» [Талеб, 2013] и «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [Талеб, 2015]. Наряду с этими трудами следует также упомянуть обострившийся в интеллектуальном сообществе интерес к таким трендам, эпистемологическим поворотам (turns), синергетическим и сетевым революциям познания странного мира, как эволюционная эпистемология, социальная эпистемология, историческая эпистемология, культурно-историческая эпистемология, неклассическая эпистемология, постнеклассическая культурно-аналитическая методология познания, постструктуралистский анализ познания закрытых и открытых систем, новая культурная антропология, этнометодология и методология трансдисциплинарности^[1] [Автономова, 2008, 2009; Гарфинкель, 2007; Гусельцева, 2009, 2010, 2013, 2014; Лекторский, 2001; Касавин, 2013; Мегилл, 2004; Мокий, 2009; Прохорова, 2009; Пружинин, 2009; Эволюционная эпистемология, 2012].

Среди всех этих направлений познания современности, которые имеют свои проекции на методологию конкретных наук, особо хочу обратить внимание на небольшую статью Ж.Ф.Лиотара «Заметки о смыслах "пост-"», опубликованную в специальном выпуске журнала «Иностранная литература» под названием: «После времени: французские философы

постсовременности» [Лиотар, 1994]. В этой статье Ж.Ф.Лиотар производит особую психоаналитическую деконструкцию дискурса о *современности*. Он выделяет целый ряд особенностей современности, показывающих всю неоднозначность этого понятия.

Во-первых, при описании современности обозначается риск распространения так называемой линейной хронологии, при которой каждому новому интеллектуальному, культурному или технократическому движению приписывается термин «пост-». В результате происходит неизбежное обнуление предшествующих практик мышления и традиций. Ж.Ф.Лиотар показывает, что за подобным обнулением стоит не преодоление прошлого, проявляющегося в разрыве с традицией, а скорее эволюционный снобизм, забвение прошлого по психоаналитическому механизму подавления и вытеснения. В результате возникает интеллектуальная эквилибристика различными «-измами»: трансавангардизм, неоэкспрессионизм, постмодернизм.

Во-вторых, Ж.Ф.Лиотар предостерегает от игры с префиксом «пост-», увязывающей различные постмодернистские проекты с идеями технического прогресса как социальными проектами освобождения человечества. Он пишет: «...Вопрос о причинах этого процесса усложнения (complexification), вопрос темный, весьма для меня важен. Можно предположить, что некое роковое предназначение помимо нашей воли увлекает нас ко все более сложным состояниям. Наши запросы – безопасность, идентичность, счастье – вытекающие из нашего непосредственного состояния живых или общественных существ, как будто никак не соотносятся с этим родом принуждения, толкающего нас сегодня к усложнению, опосредованию, исчислению и синтезированию все равно каких объектов, а также изменению их масштабов. В техно научном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы – всегда не того масштаба. Если смотреть на вещи с этой точки зрения, то требование простоты сегодня покажется вообще-то предвестьем варварства. Разбирая этот же пункт, следовало бы подробнее разработать вопрос о разделении человечества на две части: одна принимает этот вызов сложности, другая – тот древний и грозный вызов, что связан с выживанием рода человеческого. Вот, может быть, главная причина провала проекта современности, который, ...в принципе относился к человечеству в его совокупности» [Лиотар, 1994].

Ж.Ф.Лиотар показывает, что сам дискурс современности является конвенциональным *проектом*. И в современности как в проекте появляются свои оси координат в виде сложности/простоты, разнообразия/однообразия, неопределенности/определенности. Сходные идеи о современности как особом проекте в контексте социологии и политологии высказывает Энтони Гидденс [Гидденс, 2011].

При освоении дискурса современности и анализе ценностных оснований различных измерений современности у психологов, как и у ансамбля представителей разных наук о развитии человека, природы и общества, вольно или невольно возникает соблазн нарушить предостережение Козьмы Пруtkова «нельзя объять необъятное» и очередной раз в истории человеческого познания отправиться в зазеркалье, приступить к конструированию «теории всего» [Гейзенберг, 1987; Веккер, 1998; Уилбер, 2013]; увязать в одном пространстве «собаку Павлова» и «кота Шредингера» [Наге, 2009]; гомозиготные и гетерозиготные цивилизации [Любищев, 2008]. Причина подобных искушений нашего разума, его стремления прорваться за любые границы, в том числе и за исторически очерченные каждой эпохой границы разумного, заключается в самой природе современности, ее перманентной безмерности. Необходимо осознать, что в восприятии современности в измерении «настоящее» всегда упаковываются «прошлое» и «будущее», сливаются в хронотопе «пространство и время» (М.М.Бахтин; Н.А.Бернштейн; А.А.Ухтомский), статика и динамика, устойчивость и вариативность, порядок и хаос [Пригожин, Стенгерс, 1986], культура и взрыв [Лотман, 1992], распад и упадок цивилизаций [Любищев, 2008], цивилизация и варварство [Мотрошилова, 2010; Сойко, 2003].

Картина современности, как правило, оказывается травмированной историей, историческим прошлым человечества, Освенцимом и ГУЛАГом [Анкерсмит, 2007; Арендт, 1996]; наступлением «футуршока» (Э.Тоффлер), а также болезненным переживанием еще до ее наступления эпохи сингулярности (Р.Курцвейл). Рефлексия сложности современности позволяет констатировать, что происходит не только каскадное изменение темпов технического прогресса. Происходит нечто большее: изменение самих изменений.

Для понимания динамики текучести и устойчивости современности представляется весьма заманчивым осознать эволюционный смысл роли религии и искусства в историко-эволюционном процессе развития человечества: искусство выступает как овладение и расширение человечеством границ современности и как наращивание культурных практик освоения неопределенности; а религия, упаковывающая хаос в «закрытые структуры» – как особая, испытанная веками культурная практика психотерапии неопределенности, ценностная герметизация инвариантных моделей мира, духовное производство нравственных установок и традиций как стабилизаторов социального поведения человека в разных культурах [Асмолов, 2012]. В этом смысле весьма эвристична идея Ю.М.Лотмана, что саморазвитие культуры осуществляется через различные *механизмы выработки неопределенности* [Лотман, 2010]. Поэтому не случайно картина современности, принципиальная недосказанность современности досказывается, приручается и изобретается посредством мифов, метафор, таких парадоксальных произведений, как поэтические зарисовки Д.Хармса, невозможные миры М.Эшера, сюрреалистические полотна С.Дали, графика и живопись М.Шагала, философская поэтика И.Бродского. Современность то и дело заселяется различными фантомами, напоминающими намного опередившими представления о виртуальной реальности явления «призраков» в романе С.Лема «Солярис».

Ко всем этим произведениям как открытым структурам вполне приложима характеристика восприятия искусства, предложенная У.Эко: «...произведение искусства, предстающее как форма, завершенная и *замкнутая* в своем строго выверенном совершенстве, также является *открытым*, предоставляя возможность толковать себя на тысячи ладов и не утрачивая при этом своего неповторимого своеобразия. Таким образом, всякое художественное восприятие произведения является его *истолкованием* и *исполнением*, так как во всяком таком восприятии оно оживает в своей неповторимой перспективе» [Эко 2004, с. 28]. Замечу, что современность не столько воспринимают, сколько чувствуют, интерпретируют и толкуют. Поэтому для ее постижения необходимы герменевтические методы исследования в стиле «толкование современности». Прообразом подобного интеллектуального стиля постижения современности является классическая работа З.Фрейда «Толкование сновидений».

Исследования многомерной природы современности, как правило, не вмещаются в прокрустово ложе идеала рациональности (М.К.Мамардашвили). Следование этому идеалу при восприятии и анализе современности зачастую приводит к тому, что современник оказывается не в ладу со временем. Личностный и когнитивный диссонанс при освоении современности состоит в том, что современник, как бы он ни пытался овладеть современностью, неизбежно не успевает за бегущим днем. «Синдром современника» – синдром диссонанса со временем, с нелинейностью и безмерностью настоящего – вызывает эффекты, которые по своему воздействию на человека и человечество не уступают страхам перед «нелинейным будущим» [Назаретян, 2015]. Среди таких эффектов назову, прежде всего, классический феномен стресса – генерализованного адаптивного синдрома, – введенный не только в научный оборот, но и в лексикон обывательского сознания канадским психофизиологом Г.Селье; а также невроз современности, описанный в классическом труде К.Хорни «Невротическая личность нашего времени» [Хорни, 2008].

К эффектам современности, позволяющим совладать с вызовами сложности, неопределенности и разнообразия, относятся, на мой взгляд, и такие преадаптивные формы жизни как смеховые и карнавальные действия (М.М.Бахтин), «игра ради игры» (А.Н.Леонтьев), «риск ради риска»

(В.А.Петровский). Со всеми этими формами жизни субъекта и социума в контексте современности происходят перевертыши, как в известных двоящихся изображениях Эдгара Рубина: то, что в историко-эволюционном процессе было фоном, становится фигурой; то, что было фигурой, становится фоном. Так преадаптивные процессы, на важность которых в эволюции разных систем указывали А.Н.Северцев и Н.И.Вавилов, приобретают всё более главенствующую роль в процессе соперничества между стабильностью и изменчивостью. Процессы же адаптации, выживания, достижения гомеостаза утрачивают своё господство на арене текучей современности (Асмолов, Шехтер, Черноризов). Например, риск как форма жизни, который ранее в историко-эволюционном процессе был редкой экзотикой, становится глобальной и универсальной характеристикой форм жизни в современности и возводится в принцип поведения ряда организаций [Гидденс, 2011, Штомпка, 1996].

В дискурсе современности также заслуживает особого внимания высказанная Лиотаром гипотеза о том, что человечество в ответ на рост неопределенности, сложности и разнообразия все более дифференцируется на людей, готовых воспринимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности. [Лиотар, 1994]. Тогда цивилизованность может трактоваться как освоение сложности и неопределенности современности, а архаика – как тенденция социальных систем к адаптации, равновесию и избеганию неопределенности, к жизни в более простом мире.

Итак, ценностная апперцепция осей современности позволяет связать, на первый взгляд, несвязуемое: абстрактные методологические схемы познания сложности, неопределенности и разнообразия с адаптацией и преадаптацией различных видов в историко-эволюционном процессе; увидеть преадаптацию индивида как цену за развитие разнообразия вида; рассмотреть прогресс и регресс как эволюцию и инволюцию разнообразия систем; обосновать неизбежность трендов к интеграции культурной антропологии и нейрокогнитивной науки; раскрыть связь феноменологии множественности идентичности и полифонии сознания с такими зарождающимися направлениями психологии XXI века, как психология неопределенности, психология сложности и психология разнообразия.

Продолжая эту логику, с опорой на оптику историко-эволюционного подхода к развитию человека и человечества в биогенезе, антропогенезе, этногенезе, социогенезе и персоногенезе, еще раз подчеркну то, что мы начинаем исследовать общность столь разнородных явлений, как полиморфизм – в генетике; полиэтничность и поликультурность – в антропологии и социологии; полифония сознания и множественность идентичностей – в гуманитарных науках и в психологии.

В своем анализе мы устанавливаем мосты между методологией и практикой, между гуманитарными и естественными науками, расширяя познавательные поля психологии и смежных наук. Благодаря этой оптике современности рождаются направления трансдисциплинарных исследований, связывающие простоту – с примитивизацией, варварством, архаикой, фанатизмом и тоталитарным сознанием; элиминацию разнообразия – с ксенофобией и этнофобией; страх перед неопределенностью – с бегством от свободы, утратой Я [Соколова, 2015] и авторитарным характером личности [Адорно, 2001; Фромм, 1990]; поддержку разнообразия – с толерантностью; сложность – с множественностью интеллекта, латеральным мышлением как эффективным способом решения нестандартных задач, взрывом одаренности и креативности (М.Гарднер, Э.де Боно, Р.Стернберг, Е.Л.Григоренко); неопределенность – с преадаптивностью и неадаптивностью (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский), выходом за рамки гомеостаза, взаимопомощью и кооперацией как факторами эволюции и общественного прогресса (А.Г.Асмолов, Е.Д.Шехтер, А.М.Черноризов).

Для операционализации разных практик и исследовательских процедур диагностики неопределенности и сложности современности в психологической науке уже наработаны такие приемы, как диагностика толерантности/интолерантности к неопределенности [Корнилова и

др., 2010], диагностика когнитивной сложности [Келли, 2000], психосемантика многомерного сознания [Петренко, 2009].

Подобного рода исследования, наряду со ставшими уже классическими работами Д. Канемана и А. Тверски, приводят к выделению особых направлений психологии современности: психология неопределенности [Канеман и др., 2005; Корнилова и др., 2010; Фейгенберг, 1986; Человек в ситуации неопределенности, 2007], психология социальной нестабильности (Г. У. Солдатова), персонология неадаптивного поведения (В. А. Петровский), психология самоорганизации психологических систем (В. Е. Ключко), психология сложности (А. Н. Поддьяков), психология информационной социализации (Т. Д. Марцинковская) и др.

Иногда новое выступает как хорошо забытое старое. Если на границе XIX и XX вв. уникальное чутье к современности, к ее текучести проявилось в представлениях В. Джеймса о «потоке сознания» и «многообразии религиозного опыта», то на границе XX и XXI в. в. подобное чутье приводит к выделению такого направления психологии, как «психология потока».

При анализе выделенного выше «синдрома современника» и различных форм жизни, являющихся ответами на вызовы современности, важно увидеть ценностные основания разных измерений и понять указанные выше направления психологии как различные «смешанные линии эволюции» (Н. П. Вагнер, Л. С. Выготский) в ходе развития психологии современности и смежных наук.

Еще раз перефразируем вопрос К. Коффки и спросим: почему современность изобретается такой, какой она изобретается? Как пере-живается современность? Посредством каких форм жизни – социальных действий (М. Вебер, Т. Парсонс), коммуникативных действий (Ю. Хабермас), личностных действий (А. Н. Леонтьев) конструируются социальные и жизненные миры (А. Шюц)? Все эти вопросы связаны с горизонтами познания современности, и было бы дерзостью считать, что на них уже найдены ответы. Когда имеешь дело с вызовами неопределенности, сложности и разнообразия, самому следует стараться избегать решений, примитивизирующих современность, механически извлекая из интеллектуального багажа истории такие культурные орудия познания, как принцип неопределенности и принцип дополнительности.

О рисках манипулирования с помощью мыслительных техник со сложностью, неопределенностью и разнообразием еще в 1967 г. прозорливо предупреждал В. А. Лефевр. Он писал: «... Торжество кибернетического подхода – это не только выход на арену новых и продуктивных средств анализа сложных систем, но и колоссальное сужение «онтологического поля», в рамках которого ставятся задачи научного анализа» [Лефевр, 1967, с. 6]. И далее В. А. Лефевр отмечал: «... Одной из главных методических задач исследования сложных объектов является выработка особых картин действительности, в которых между духовными и материальными феноменологиями устанавливались бы конструктивные отношения. От решений этой задачи зависит, будем ли мы иметь возможность рассматривать системы, «наделенные интеллектом», как единые системы, или нам придется довольствоваться двумя несвязанными планами изучения, оформив свою капитуляцию, принципом, напоминающим принцип дополнительности Бора» [Лефевр, 1967, с. 9].

Надеюсь, что проект «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» учтет предостережения В. А. Лефевра и сумеет избежать наведения мнимых мостов над пустотами. В свое время О. Мандельштам метко заметил, что литературные школы развиваются не столько новыми идеями, сколько новыми вкусами. Именно благодаря новым взглядам и вкусам в науку приходят неизвестные ранее имена. И точно так же, как во многом благодаря культурно-исторической школе Л. С. Выготского в культурное пространство психологии пришли социологи (Э. Дюркгейм, Дж. Мид), этнографы и антропологи (Л. Леви-Брюль, Ф. Боас), лингвисты (А. А. Потебня, Ф. де Сосюр, Р. О. Якобсон), так и благодаря проекту

«Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» в пространство психологии со временем, быть может, придут новые имена мастеров познания сложности современности, в том числе и упомянутые в этой статье.

Кроме того, то, что не связывалось, начнет связываться в общую интеллектуальную сеть. То, что казалось десятилетиями недозволенным грехом исследователя, станет нормой интеллектуального труда. Так, если ранее обвинения в эклектике носило характер упрека, а порой и обличения, сегодня имеет шанс обрести статус позитивно - санкционированного интеллектуальным сообществом методологического стиля, приобретя имя «конструктивной эклектики» [Олпорт, 2002]. В чести могут оказаться и «профессиональный дилетантизм», и жанры научно-популярной публицистики, «публицистики без границ» в стиле, например, «этудов оптимизма» И. Мечникова, «жизни животных» А.Э.Брэма, «неизбежности странного мира» Д.Данина, книг Н.Копосова «Хватит убивать кошек» [Копосов, 2005], М.Эпштейна «Знак пробела: о будущем гуманитарных наук» (2004), А.Маркова «Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы» [Марков, 2010] и др. В цене вновь окажутся и дерзкие популярные журналы, такие как появившийся в 2014 г. журнал «Кот Шредингера» с его рубрикой «Диктатура будущего», приручающей наше сознание к обыденности перемен. «Конструктивный эклектизм» и «профессиональный дилетантизм» станут мыслительными техниками трансдисциплинарности.

Метафора о развитии науки не только «в куст», но и «в ствол» поможет осознать стремительную гибридизацию разных линий мышления: неклассической физики Нильса Бора с физиологией активности Николая Бернштейна; «уликовой» парадигмы историков (К.Гинзбург) с распознаванием «по оговоркам» глубинных мотивов поведения личности в психоанализе; культурно-исторической психологии с когнитивной нейронаукой [Harre, Rom, Moghaddam, 2012].

Все эти прогнозы связываются со стартом проекта «Психология современности», в том числе со статьями, собранными в предлагаемом вниманию читателя выпуске журнала «Психологические исследования», которые позволят интегрировать в общее проблемное поле такие зарождающиеся на наших глазах направления исследований, как психология неопределенности, психология сложности и психология разнообразия. И хочется верить, что этот выпуск станет первым шагом на пути воплощения в жизнь проекта «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия».

Литература

Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Росспэн, 2009.

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Росспэн, 2008.

Адорно Т. [Adorno T.] Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.

Анкерсмит Ф. [Ankersmit F.] Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

Арендт Х. [Arendt H.] Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.

Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Мос. гос. университет, 1979.

Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Мос. гос. университет, 1990.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции. Вопросы психологии, 2013, No. 6, 3–14.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. По ту сторону принципа гомеостаза: Историко-эволюционный подход к развитию сложных систем. Вопросы психологии, 2014, No. 4, 3–13.

Бауман З. [Bauman Z.] Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бек У. [Beck U.] Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2001.

Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Болотова А.К., Зинченко В.П., Поддьяков А.Н. (Ред.). Человек в ситуации неопределенности. М.: Высшая школа экономики, 2007.

Бом Д. [Bohm D.] Специальная теория относительности. М.: Мир, 1967.

Боно де Э. [de Bono E.] Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Бор Н. [Bohr N.] Избранные научные труды. В 2-х томах. М.: Наука, 1970.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.

Вульф К., Савчук В. (Ред.). Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика. СПб.: Философский факультет, 2013.

Гарфинкель Г. [Garfinkel H.] Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Гейзенберг В. [Heisenberg W.] Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987.

Гидденс Э. [Giddens A.] Последствия современности. М.: Практика, 2011.

Гидденс Э. [Giddens A.] Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.

Гуревич И.И., Фейгенберг И.М. Какие вероятности «работают» в психологии. В кн.: И.М. Фейгенберг, Г.Е. Журавлев (Ред.), Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977.

Гусельцева М.С. Интеллектуальные традиции российской психологии(культурно-аналитический подход): монография. М.: Акрополь, 2014.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии гуманитарных исследований. Вопросы психологии, 2009, No. 5, 16–26.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к феномену информационной социализации. Мир психологии, 2010, 63(3), 26–34.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование): монография. М.: Акрополь, 2013.

Данин Д.С. Неизбежность странного мира. М.: Молодая гвардия, 1962.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. [Kahneman D., Slovic P., Tversky A.] Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.

Келли Дж. [Kelly G.] Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томск. гос. университет, 2005.

Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Лефевр В.А. [Lefebvre V.] Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1967.

Лиотар Ж.Ф. [Lyotard J.F.] Заметка о смыслах «пост». Иностранная литература, 1994, No. 1, 54–66.

http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.

Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010.

Любищев А.А. Расцвет и упадок цивилизации. СПб.: Алетейя, 2008.

Майнцер К. [Mainzer K.] Сложносистемное мышление. М.: URSS, 2009.

Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель, 2010.

Мегилл А. [Megill A.] Историческая эпистемология. М.: Канон, 2009.

Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.

Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации: путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000.

Мокий В.С. Основы трансдисциплинарности. Нальчик: Эль-фа, 2009.

Морен Э. [Morin E.] Метод. Природа Природы. М.: Канон+, 2013.

Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010.

- Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргатак-медиа, 2015.
- Николис Г., Пригожин И. [Nicolis G., Prigogine I.] Познание сложного. М.: Мир, 1990.
- Олпорт Г. [Allport G.] Становление личности. М.: Смысл, 2002.
- Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009.
- Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М.: Эребус, 2006.
- Поддьяков А.Н. Компликология. Создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Высшая Школа Экономики, 2014.
- Поддьяков А.Н. Типы соотношений интеграции и дифференциации в развивающихся системах. В кн.: Н.И. Чуприкова (Сост.), Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 91–102.
- Пригожин И. [Prigogine I.] Философия нестабильности. Вопросы философии, 1991, No. 6, 46–52.
- Пригожин И. [Prigogine I.] Конец определенности. Ижевск: РХД, 2001.
- Пригожин И. [Prigogine I.] Определено ли будущее. Ижевск: ИКИ, 2005.
- Пригожин И., Стенгерс И. [Prigogine I., Stengers I.] Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста. Новое литературное обозрение, 2009, No. 6, 9–16.
- Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: Росспэн, 2009.
- Сайко Э.В. (Ред.). Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003.
- Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Талеб Н.Н. [Taleb N.N.] Антихрупкость: Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, 2013.
- Талеб Н.Н. [Taleb N.N.] Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2015.
- Уилбер К. [Wilber K.] Теория всего. М.: Постум, 2013.
- Урри Дж. [Urry J.] Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта. Культурно-

историческая психология, 2014, No. 3, 4–18.

Фейгенберг И.М. Видеть-предвидеть-действовать М.: Знание, 1986.

Фромм Э. [Fromm E.] Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.

Хорни К. [Horney K.] Невротическая личность нашего времени. М. Академический проект, 2008.

Чиксентмихайи М. [Csikszentmihalyi M.] Поток. Психология оптимального переживания. М.: Смысл, 2011.

Штомпка П. [Sztompka P.] Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.

Эко У. [Eco U.] Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004.

Bruner J.S., Postman L. On the perception of incongruity: a paradigm. Journal of Personality, 1949, 18(2), 206–223.

Harre R. Pavlov's Dogs and Schrödinger's Cat. Oxford: OUP, 2009.

Harré R., Marsh P., Rosser E. The rules of disorder. London, UK: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Harré R., Rom H., Moghaddam F.M. Psychology for the Third Millennium. London: Sage, 2012.

Sternberg R.J., Jarvin L., Grigorenko E. Explorations in Giftedness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Примечания

[1] Концепт «трансдисциплинарность» был предложен в 1970 г. Жаном Пиаже в дискуссиях с Э.Янчем и А.Личнеровицем в рамках международной рабочей группы «Интердисциплинарность – обучение и исследовательские программы в университетах». <http://transstudy.ru>

Поступила в редакцию 20 декабря 2014 г. Дата публикации: 25 апреля 2015 г.

Сведения об авторе

Асмолов Александр Григорьевич. Доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: agas@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. Психологические исследования, 2015, 8(40), 1. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html>

[К началу страницы >>](#)